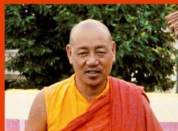

БУДДИЗМ СЕГОДНЯ

ЛАМА ОЛЕ НИДАЛ

ОТКРЫТИЕ АЛМАЗНОГО ПУТИ

Тибетский буддизм встречается с Западом

Увлекательное повествование о времени хиппи и рок-н-ролла, знакомстве с тибетскими ламами и захватывающих годах в Гималаях с XVI Кармапой — «царем йогинов Тибета». По его просьбе, в 1972 году Оле с женой Ханной возвращаются в Европу, принести буддизм на Запад...

Оле Нидал
Открытие Алмазного
пути. Тибетский буддизм
встречается с Западом
Серия «Буддизм сегодня»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63538631

Открытие Алмазного пути: Тибетский буддизм встречается с

Западом:

ISBN 978-5-9500895-3-4

Аннотация

Эта книга – рассказ Ламы Оле Нидала о своей встрече с буддийскими учителями. В конце 1960-х годов, во времена хиппи, рок-н-ролла и удивительных научных открытий, когда Запад испытывал огромный интерес к восточной философии и религии, молодые датчане Оле и Ханна Нидал отправились в свадебное путешествие в Непал. Там они встретились с главой школы Кагью тибетского буддизма Гьялвой Кармапой XVI и стали его учениками. В течение нескольких лет непокорные европейцы обучались у Кармапы в Гималаях и получили от него полную передачу высочайших буддийских методов работы с умом. Это обучение коренным образом изменило их жизнь. Они оставили

прежние привычки и в 1972 году по просьбе Кармапы вернулись в Европу, чтобы принести буддийское Учение на Запад.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Об авторе	6
Предисловие автора к четвертому английскому изданию	12
Глава 1	14
Глава 2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лама Оле Нидал Открытие Алмазного пути: Тибетский буддизм встречается с Западом

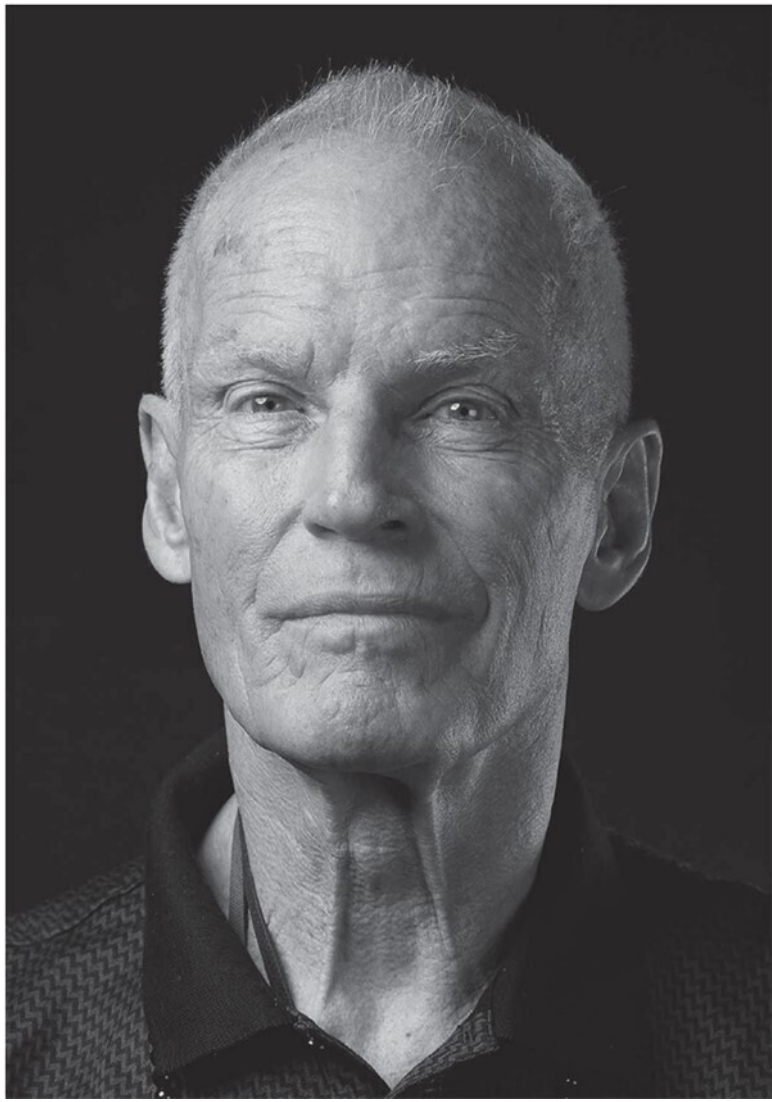
© Buddhismus Stiftung Diamantweg, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ИП Кочергин
М. М., 2020

Об авторе

Лама Оле Нидал и его жена Ханна – первые западные учителя линии преемственности Карма Кагью тибетского буддизма Алмазного пути. Они познакомились с Учением Будды в 1968 году, когда во время свадебного путешествия по Непалу встретили величайшего мастера медитации – Шестнадцатого Кармапу Рангджунга Ригпе Дордже – и стали его учениками. Несколько лет они учились и практиковали под руководством высочайших лам, а затем, следуя пожеланию Кармапы, вернулись домой в Европу, чтобы открывать Западу глубокие методы Алмазного пути.

Сегодня благодаря активности Ламы Оле в мире действует свыше 700 центров буддизма Алмазного пути традиции Карма Кагью.

D. C. CENTRE
RUMTEK, SIKKIM,
INDIA.

H. H. SHAMARPA

11-8-1983

To Whom It May Concern.

This is to certify that Mr. Ole Nydahl, Denmark, is appointed Buddhist Master, and that he transmits the blessing and activity of the Karma Kagyud Lineage.

His qualifications are these: He has been a close, personal disciple of H.H. the Gyalwa Karmapa since December 1969, when he met Him at the Swayambhu Stupa in Nepal, and he has taken initiations and Mahamudra teachings from His Holiness and the highest Kagyud Lamas which he has practiced accordingly.

For the last 10 years he has been starting centres, teaching and protecting the practitioners all over the world on the request of His Holiness, and he is fully qualified in guiding meditations and leading people in the Dharma.

His wide-ranging activity has been of great benefit for countless students so far, and it is my request that Mr. Ole Nydahl may be recognized in accordance with the above declaration and receive all help in his important work.

His Holiness Shamar Rinpoche

Центр Дхармачакра,
Румтек, Сикким,
Индия

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВО ШАМАРПА

11 августа 1983 года

Всем, кого это может касаться.

Этим документом удостоверяется, что г-н Оле Нидал из Дании носит титул буддийского мастера и передает благословение и активность линии преемственности Карма Кагью.

Его квалификация: он являлся близким, личным учеником Его Святейшества Кармапы начиная с декабря 1969 года, когда встретил Его Святейшество у ступы Сваямбху в Непале и принял от Него и высших Лам Кагью посвящения и поучения по Махамудре, которые соответствующим образом применял на практике.

Последние десять лет он по просьбе Его Святейшества основывает центры, учит и защищает практикующих в различных местах мира. Он обладает необходимым опытом, для того чтобы проводить медитации и наставлять людей в Дхарме.

Его широкомасштабная деятельность успела принести большую пользу бесчисленному количеству учеников, и я прошу признать статус г-на Оле Нидала согласно объявленному выше и предоставлять ему всю возможную помощь в его важной работе.

Его Святейшество Шамарпа Ринпоче

Предисловие автора к четвертому английскому изданию

Дорогие друзья! Это новое, четвертое издание данной книги требует небольшого предисловия. Я перевел ее на английский язык в 1985 году и сейчас, перед тем как она должна переводиться на голландский и шесть восточноевропейских языков, впервые сам ее перечитал. Мое знание английского с тех пор, несомненно, улучшилось, и я постарался отразить это в новой редакции текста. Кроме того, я устранил неточности, внес больше ясности и привел содержание в соответствие с новыми реалиями, чтобы избежать двусмысленности.

За время, прошедшее с момента первого издания этой книги, вышло ее продолжение «Верхом на тигре»¹, описывающее первые двадцать лет принесения Алмазного пути в разные страны мира, а также работа Томека Ленерта «Жулики в рясах»² о недавних попытках воздействия на тибетский буддизм со стороны китайцев. Обе книги на английском языке выпустило издательство «Блу Долфин».

¹ *Lama Ole Nydahl. Riding the Tiger. Blue Dolphin, 1992. На русском: Нудал О. Верхом на тигре. М.: Эксмо, 2012.*

² *Lehnert Tomek. Rogues in robes. Blue Dolphin, 1998. На русском: Ленерт ТТТ. Жулики в рясах. М.: Алмазный путь, 2005.*

Мы выражаем признательность Кэрол Аронофф за первую редакцию и благодарим Сару Кальф, Шарлотту Вебер, Стюарта Джарвиса и Ханну за помощь в этот раз.

*Ваши Томек, Кати, Ханна
и Лама Оле.*

Перт, Западная Австралия.

*День Дакинъ, месяц Защитника —
февраль 1998 года*

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Lema Ole'. The signature is stylized, with the first name 'Lema' written in a cursive, flowing script and the last name 'Ole' written in a more upright, blocky style with a large loop at the end.

Глава 1

Наше свадебное путешествие

Это была неплохая идея – провести медовый месяц в Непале. 1968 год был весьма подходящим временем для встречи идеалистической среды ранних европейских хиппи и древних школ тибетского буддизма. Первый фактор в результате обретет направление полезного движения, а второй, вместо того чтобы доживать свои последние дни в музеях, останется живой практикой. Проложенный за несколько лет путь от ледяных пиков Гималаев к зеленым низинам Северной Европы дал рождение светскому и йогическому буддизму Алмазного пути, который сегодня переживает бурное развитие. Впервые в истории встреча западного идеализма и разумного азиатского материализма открыла доступ к многочисленным неизведанным аспектам потенциала ума.

Как обнаружили мы с моей милой женой Ханной и позже очень многие наши добрые друзья, плодом такого соче-

тания явились средства, позволяющие тому, кто их практикует, становиться хозяином собственной жизни. Алмазный путь искусно трансформирует замутненные состояния сознания в ясность и блаженство. Он на практике способствует тому, чтобы все в нашей жизни служило достижению Освобождения и Просветления.

В те годы нам, славной компании коллег-контрабандистов и прочих искателей приключений, удавалось много общаться с высшими тибетскими и бутанскими ламами. Нас воодушевлял их пример и чрезвычайно действенные поучения, и после тщательной проверки ламы решили сделать нас партнерами в деле принесения своих мощных знаний и медитаций на Запад.

Основная цель этой книги – поведать о том, как происходило соединение лучших качеств двух таких разных, но ценных культур. В продолжении, книге «Верхом на тигре», описывается дальнейшее развитие работы. Не исключено, что это единственный случай в истории человечества, когда носители двух передовых цивилизаций сознательно стараются учиться друг у друга лучшему. За последние годы мы пережили несколько печальных потерь – смерть старых лам, хранителей полной внутренней и тайной передачи Учения. Поэтому я рад переизданию этой книги, приобщающей читателей к атмосфере первых контактов с тибетскими учителями.

Когда у нас впервые установился контакт с живым буддизмом Алмазного пути, Ханне было двадцать два года, а мне

— двадцать семь. Наши родители работали учителями в колледжах фешенебельных северных пригородов Копенгагена. У нас были замечательные семьи, и мир вокруг был пронизан верой в то, что все люди по природе своей, вообще-то, хорошие. Но, несмотря на гуманистическое воспитание, еще в раннем детстве мне то и дело снились захватывающие сны о сражениях в горах, хотя я никогда в жизни не видел гор. Во сне я отбивал атаки круглолицых солдат и защищал мужчин в красных женских одеждах — так я тогда это понимал. Что это были за люди, я понял лишь спустя двадцать пять лет, когда встретил первых тибетских монахов в Непале. А еще через двадцать лет, во время тайного путешествия по оккупированному китайцами восточному Тибету, я увидел воочию те горы и селения, которые оборонял в своих детских снах.

Привычка воевать проявилась и в этой жизни: я сражался против всего большого, будь то люди или системы, и не признавал ничего, что ограничивало бы мою свободу. Ханна отличалась столь же независимым нравом, но предпочитала работать над собой, вместо того чтобы крушить все вокруг.

Осенью 1961 года, когда меня уволили с принудительной военной службы (армия с удовольствием избавилась бы от меня и раньше), я стал одним из первых датчан, попробовавших план, как мы это тогда называли, — растительный продукт, который позже именовался как угодно, от «травки» до «веселящей сигары». Незадолго до этого я сдал с лучшими отметками экзамены по философии, и все связанное с умом

всегда вызывало во мне жгучий интерес.

Я ожидал, что новый опыт откроет мне бессчетное количество новых озарений. Такие же ожидания я впоследствии питал и в отношении других наркотиков, воздействующих на сознание, – в общем, я позволил этому увлечению занять несколько лет моей жизни. Считая, что наркотики приносят несомненную пользу живым существам, для защиты докторской диссертации я выбрал тему «Олдос Хаксли и его „Двери восприятия“».

Следующие несколько лет я учился в Дании и Германии, добавляя бокс и аварии на мотоцикле к химическим атакам на свой мозг. Ханна тем временем доучивалась в институте.

Мы встретились с ней в «Каннибале» – столовой Копенгагенского университета, месте многих счастливых встреч. Давным-давно, когда мне было десять лет, а Ханне – пять, я учил ее строить шалаши в лесу в северных пригородах Копенгагена. Девочки плохо лазали по деревьям, и я смотрел на них свысока, но Ханну я все же проводил до дому. Наверное, это была первая влюбленность в моей жизни. Но семья Ханны вскоре переехала еще дальше на север, и связь между нами прервалась. Теперь, спустя добрых пятнадцать лет, эта девушка стояла передо мною – прекраснее, чем любые мои мечты. Я был под таким впечатлением, что даже позабыл о яркой рыжеволосой даме рядом со мной. Хотя Ханна была уже четыре года помолвлена, вскоре мы стали жить вместе.

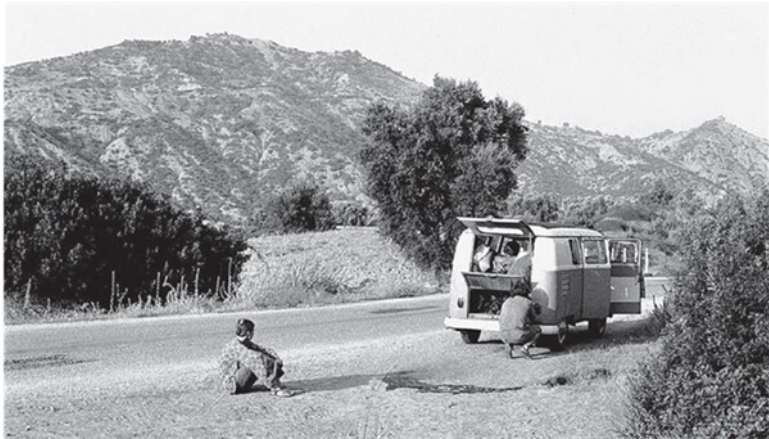
Остановка за границей по пути в Индонезию

В марте 1966 года, в день своего двадцатипятилетия, я впервые попробовал ЛСД. Возвращаясь на вечеринку по средневековому Копенгагену (теперь эти улицы сильно изменились), я почувствовал, как что-то тащит меня сквозь узкие ворота во двор, освещенный всего одним фонарем. Я знал, что там меня ждет какое-то необычайное переживание. Остановившись перед домом с пустыми запавшими окнами, я услышал, как говорю ему: «Ну-ка, покажи мне все!» Вокруг меня ожила подвижная, дышащая стихия, вспыхнули и стали приближаться вихри белого света. Словно силы всей вселенной потоком вливались в меня и разрывались в пространстве; все пронизала собой сияющая вневременная интенсивность. Вернувшись к друзьям, я мог сказать только: «Я не знаю точно, что это было, но все в порядке».

Вскоре после этого Ханна присоединилась к моим путешествиям по иным уровням сознания. И здесь ее переживания тоже были глубокими и теплыми. Начав с двадцатью-тридцатью друзьями – первой сплоченной группой в Северной Европе, – мы попробовали все воздействующие на ум наркотики, которые появлялись в те годы. Но это мало чему нас научило. Почему-то мы не переставали верить в способность этих веществ приносить свет и пользу, в то время как от их употребления физически и умственно гибли наши лучшие друзья. Я бы многое отдал, чтобы вернуть их. Но боль-

шинство уже умерло – как правило, не самой лучшей смертью, а немногие оставшиеся в живых настолько заблудились сами в себе, в собственных мирах, что для контакта с ними в этой жизни не осталось места. Сегодня у нас есть только один совет: не прикасайтесь к наркотикам! Они обкрадывают подсознание, делая людей опустошенными, и лишь позже становится видно, насколько непоправим причиняемый ими вред. Для того чтобы достичь Просветления, нужен только наш ум, здесь и сейчас, и правильные методы.

Я преподавал тогда английский язык в вечернем колледже. Во время частых каникул мы наездами бывали в Северной Африке, Ливане, Афганистане, чтобы привозить друзьям гашиш. Однажды, в 1967 году, во время полета в Индонезию (еще чувствуя тошноту от недавнего приступа гепатита и везя тридцать четыре килограмма золота в жилете, который слишком туго сидел на мне), к северу от Бомбея я увидел скопление светящихся облаков, спускающихся с Гималаев. Они были так красивы и произвели на меня такое сильное впечатление, что я внезапно понял: мы должны поехать туда, откуда движутся эти облака. Что-то ждало нас там, что-то важное.

Ремонт микроавтобуса «фольксваген»

В мае 1968 года мы с Ханной поженились – самое мудрое из всего, что мы сделали до тех пор. Ей было двадцать два года, а мне – двадцать семь, когда состоялось наше свадебное путешествие в Непал. Как-то, в 1966 году, я уже хотел было добраться туда по земле, но война между Индией и Пакистаном заставила меня задержаться в Афганистане на три недели – достаточный срок, чтобы подхватить самую жестокую в Азии дизентерию. Я похудел на двадцать пять килограммов и остался совсем без денег. То был интересный опыт – возвращаться в Европу пешком и на попутках, по дороге продавая свою кровь в больницах. На этот раз мы не собирались делать никаких остановок. В тот день, когда мои студенты сдали экзамен, мы разместились в двух «фольксва-

генах», ожидавших нас в Гамбурге, – старом микроавтобусе и подержанном «жуке» – и отправились на юг. С нами поехали Клаас, Кристиан, которому я обязан своим первым курением, и его жена. Кристиан был теперь в инвалидной коляске. Он выпрыгнул из окна во время наркотического «путешествия» и сломал себе позвоночник, так что вести машину могли только Ханна, Клаас и я. Однако Клаасу вскоре надоела пятидесятипятиградусная жара, постоянная пыль и дороги без твердого покрытия, служившие путем через пустыню. Мы все же решили любой ценой как можно скорее добраться до Непала. Через шесть суток – рекордный срок – мы пересекли границу с Афганистаном. Кристиану с женой захотелось насладиться забойным кабульским гашишем. Они сошли, а мы быстро продали наш автобус за сумму, которая окупила всю поездку. Не успели мы это сделать, как Ханну прохватил жестокий понос, подобный тому, какой был у меня двумя годами ранее. За вечер она потеряла больше пяти килограммов; к счастью, гостиница была с уборной. Назавтра, напичканная антибиотиками, она была так слаба, что в автобус, ехавший дальше на восток, ее пришлось отнести на руках. Автобус через Хайберский перевал довез нас до северных равнин Пакистана и Индии.

На базаре в Индии

В Кабуле нам встретились несколько датчан, восстанавливавших статую Будды, самую большую в мире. Пятидесяти-трехметровое изваяние находится к северу от Кабула, в дне езды на автобусе, у городка Бамиан. Эта статуя – достояние культуры, которое талибы в 1996 году поклялись уничтожить, потому что оно не исламское, и они вполне могут это сделать, если захватят север Афганистана³. Датчане были экспертами по остаткам прежде богатой буддийской культуры этих мест. Много находилось в поврежденном состоянии – уже тысячу лет назад мусульмане отбили статуям но-

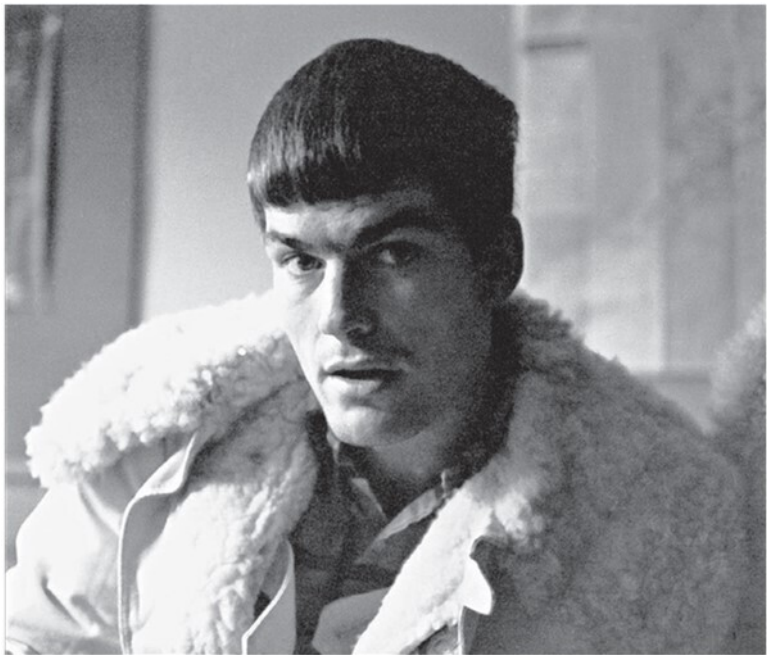
³ И сделали это в 2001 году.

сы, чтобы лишить Будд силы. Но в конце шестидесятых все еще было на что посмотреть. После Александра Македонского, за двести-триста лет до Рождества Христова, здесь процветала культура Гандхары. Черты памятников ее искусства легко узнаваемы в каменных, тонкой работы, фигурах Будд с усами. В них заметна смесь греческого и индийского стилей, возникшая здесь в результате завоеваний Александра Македонского. В Пакистане, в музее Пешавара, мы увидели впечатляющую коллекцию; правда, в ней странно смотрелись трофейные индийские ружья, гордо выставленные в самом центре этого систематичного собрания, оставшегося после англичан.

Приятно было оказаться в Индии – уже на границе ощущалась разница. Мы выбрались из напряженной, насыщенной половой неудовлетворенностью атмосферы мусульманских стран, где регулярно приходилось отталкивать людей от Ханны, и нам сразу стало легче. В Ферозпуре мы должны были сесть на поезд до Дели, где собирались получить непальскую визу. Тогда это делалось только в индийской столице, а позже визы сроком на неделю стали давать прямо на границе.

Нью-Дели – это место, куда люди приезжают для того, чтобы оформить какие-нибудь документы, но ни один турист не задерживается там дольше необходимого. Зато соседняя, старая часть города – настоящий индийский океан впечатлений для всех органов чувств (сегодня – больше всего для ушей). Некоторым европейцам это очень нравится, особен-

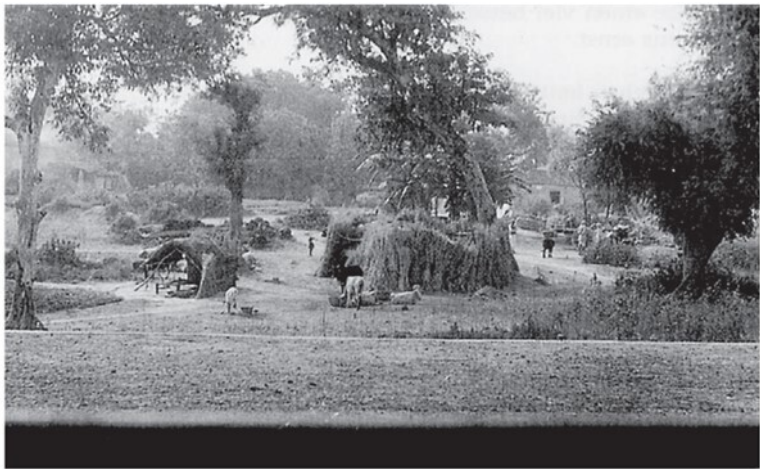
но пока есть деньги и можно уехать в любой момент. Но если тебе некуда деться из этой толпы зевак, то остается только развивать великое терпение.

Оле Нидал, 1968 год

В Дели мы впервые повстречали индуистских гуру. Они не затронули нас глубоко, хотя и вызвали желание получить обратно деньги, заплаченные за обучение в школе. Мы ни-

когда не чувствовали тяги к этим людям, да нам и не хотелось, чтобы она возникла: они были слишком личностными и слащавыми. Однако нам показали некоторые способности, которые их методами можно развить. Это было на Коннаут-Плэйс, в административном центре. Англичане на прощание оставили его в подарок индийцам; говорят, что индийцы чем дальше, тем больше забывают, как с ним правильно обращаться.

Индия из окон поезда

Рисовые поля в виде террас по дороге в долину Катманду

От этого центра, где расположены рестораны и магазины для туристов, улицы радиально расходятся к посольствам и виллам. Все важнейшие события в Нью-Дели происходили именно здесь. Мы прогуливались под сводами галереи, как вдруг перед нами возник старый индеец в тюрбане. Проробмотав что-то о моем «счастливом челе», он сунул мне в руку три записки, свернутые трубочкой. Жестикуюлируя прямо у меня перед глазами, он приковал мое внимание к своим рукам, одновременно пристально посмотрел мне в глаза и попросил назвать какой-нибудь фрукт. Я сразу же подумал о нескольких фруктах; некоторых названий, он, наверное, даже не слышал. Но, пока я колебался, стоит ли мне шутить над

таким стариком, у меня уже само произнеслось слово «яблоко». С весьма довольным видом он взял у меня с ладони записку, развернул ее – и в ней было это слово. «А теперь назови цветок», – не отставал он, и опять вышло примерно так же. Пока я подумывал о гибискусе и других диковинах, мне в полутрансовом-полусознательном состоянии гипнотического воздействия явился образ розы. Чтобы не помешать интересному ходу событий, я сказал: «Роза».

Во второй записке, конечно, стояло слово «роза», и старик засуетился еще больше. В третий раз мне надо было назвать число между единицей и десяткой, но тут гордость не позволила мне думать ни о чем, кроме единицы. Этого я и держался, не поддаваясь никаким влияниям. Однако удача не изменила ему: написанная на последней бумажке семерка, которую он пытался внушить мне, так смахивала на единицу, что он вышел из положения, и мы могли продолжить игру. Мы зашли с ним за угол, где его не увидела бы полиция. Он раскрыл книгу (многие предсказатели носят с собой какую-нибудь книгу) и попросил: «Положите сюда денег, и я расскажу вам будущее».

Нас, как северных европейцев, покорило столь явный гибрид духовности и денег (у нас церковь поддерживается налогообложением). Но непальское посольство, где нас ждали визы, закрывалось, и, пожалев этого старика с его тяжелой работой, мы вложили ему в книгу эквивалент двух долларов в местной валюте. Ханна все твердила, что нам пора.

Его власть над ситуацией ослабла, и он чувствовал, что не сможет больше нас задерживать. На прощание он продемонстрировал нам, что способен не только на примитивное внушение мыслей. Он сказал, что у нас на родине девушка по фамилии Йенсен рассказала о наших делах полиции. В тот момент мы не придали этому никакого значения, ибо знали фамилии лишь нескольких друзей, но впоследствии оказалось, что на нас донесла в полицию девушка именно с такой фамилией. Старик, очевидно, в самом деле обладал ясновидением. Прощаясь, он, как многие мудрые люди, посоветовал мне оставаться с Ханной.

Из Копенгагена мы везли с собой книгу, на зеленой обложке которой был изображен атлетический Будда, и углублялись в нее каждую свободную минуту. Это была «Тибетская йога и тайные доктрины» в переводе Ламы Кази Давы Самдупа, которую издал английский ученый Эванс-Венц⁴. В ней изложено описание весьма интенсивных и действенных упражнений для обретения Просветления в школе Кагью тибетского буддизма. Будда открыл их только ближайшим ученикам. Читая эту книгу, мы всякий раз испытывали сильные переживания и странные, незнакомые нам состояния. В нас возникали чувства особого тепла, счастья и глубокой родственной тяги. Ощущение сокрушительной энергии, отчасти приятной, но болезненно покалывающей, под-

⁴ *Evans-Wentz W. YYY. Tibetan Yoga and Secret Doctrines. Oxford University Press, 1967.*

нималось в центре моего тела, а внутренний голос твердил все более настойчиво: «Мы уже близко, мы уже и вправду близко!» Этот голос звучал в моем уме от самого Гамбурга, а теперь, когда до цели было рукой подать, мы почти изнывали от нетерпения. Едва успев положить в карман паспорта с визами, мы сели в поезд, идущий в Непал.

Процессия в Катманду

В поездке из Дели в Раксаул, пограничный городок, откуда переправляются в Биргундж (Непал) и пересаживаются на автобус до Катманду, мы впервые поняли, что такое северо-восточные индийские поезда. Тот, кто этого не испы-

тал, представить себе не сможет. На каждой станции в вагоны пытаются пробиться сотни пронзительно кричащих людей в белых одеждах. Они толкаются до тех пор, пока другие не начинают вываливаться из окон и пока даже крыши вагонов не заполняются до отказа. На самом деле удивительно то, что в такой жаре и постоянной давке очень редко происходит физическое насилие. Поначалу все визжат и кричат – это часть ритуала; но как только поезд трогается, страсти утихают до следующей остановки, где очередная толпа людей начинает штурмовать вагоны.

Из всех штатов Индии от всевозможных природных катаклизмов больше всего страдает Бихар. Год за годом то наводнения, то засухи губят урожай, и психологический климат там тоже очень суровый. Местные жители думают, что враждовать с ними могут даже души их умерших матерей. От таких духов имеются специальные защитники.

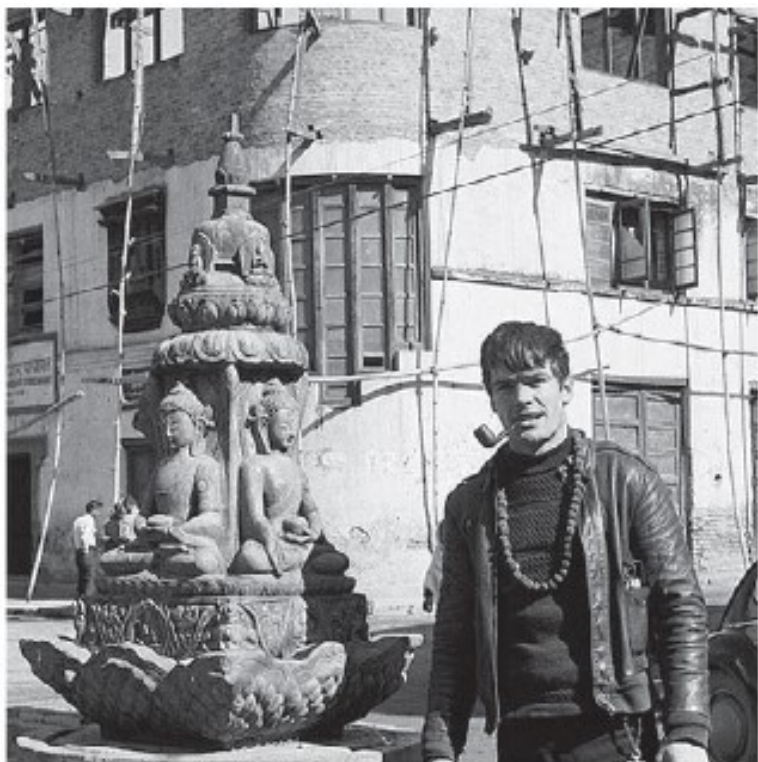
Красивые предгорья Непала приносят с собой перемену на многих уровнях. Вы попадаете в другой мир, где живут горцы. Уже в Патне, плывя в лодке по Гангу, мы видели первых маленьких, мускулистых непальцев, часто солдат-гуркхов, идущих домой, и они были как островки умиротворенности в океане шума и волнения. В них ощущалась цельность, которая нас по-настоящему привлекала.

Как только долины Индии и беспорядочные толпы людей остались позади и повсюду появились зеленые холмы, это ощущение покоя стало расти, пока полностью не охватило

нас. Мы чувствовали себя как дома среди этих людей, где женщина могла ходить одна – свободно и, естественно, ничего не опасаясь. Здесь женщины имели обыкновение смотреть в глаза, смеяться и шутить. После платков, закрытых лиц и ходячих палаток в мусульманских странах, после индийских женщин – экспертов по уклонению от контактов здесь возникало ощущение открытости, которого нам так недоставало. Хотя многие говорили, что нас обязательно обманут, в какие бы отношения мы ни вступили, поначалу мы даже не замечали этого. В конце концов, это был вопрос нескольких пенни. Мы все равно не сразу смогли расшифровать достоинство маленьких медных и алюминиевых монет, украшенных с обеих сторон символами удачи, ибо на них не было цифр. Открытие того, что здесь запечатывают даже спичечные коробки, чтобы спасти их содержимое от исчезновения по пути к покупателю, помогло нам приспособиться к местным обычаям. Совершенствуя свои деловые отношения, мы налаживали контакты с людьми. Нас начали воспринимать всерьез.

Когда мы въехали в Индию, начался сезон дождей, и теперь дорога, ведущая по предгорьям из Биргунджа в Катманду, была уже в нескольких местах размыта. В Гималаях ежегодный ремонт дорог – единственный надежный источник работы для местных жителей, и у людей есть все причины для того, чтобы ремонтировать дороги не слишком старательно. Для дополнительной страховки рабочие оставляют в

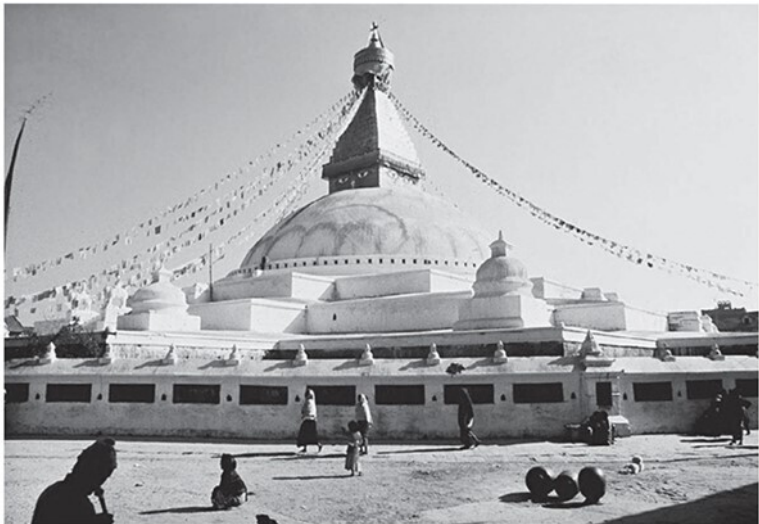
стратегических точках на склонах гор огромные куски скал, которые достаточно легко вовремя столкнуть, чтобы они соскользнули вниз, — так обеспечиваются дальнейшие «доходы». Поскольку люди здесь зарабатывают в лучшем случае полдоллара в день, их не очень привлекает перспектива такой роскоши, как продолжительные выходные.

Наш стиль в Катманду, 1968 год

В старом, шумном и трясущемся автобусе, переполненном, как и все транспортные средства в этой части света, мы медленно, с дребезгом, выехали в горы, увлеченно глаза во все стороны. Вот что нам понравилось и к чему мы быстро привыкли – в каждой опасной ситуации, которых на той дороге было много, и шофер, и пассажиры непринужденно смеялись и улыбались. Мы поняли это как древний метод сохранять присутствие духа и предотвращать заострение впечатлений страха в уме. Нас изумила эта практичная мудрость.

Страна, благословленная столькими Буддами, принимала нас в сумерках, которые придавали всему какой-то потусторонний вид.

Ступа Боднатх

В Катманду все еще держались старые добрые времена. Страну открыли для иностранцев всего несколько лет назад, и туристов было пока совсем мало. Потоки хиппи тоже еще не хлынули сюда. Если кто-нибудь на машине сбивал корову в индуистском районе, то его ожидали большие проблемы, если ему не удавалось доказать (часто с помощью своевременных подношений), что это животное – божество индуистов – само решило свести счеты с жизнью под его машиной. Два или три прочных такси старого образца, среди них древний «вольво», который никогда не нуждался в ремонте,

были предвестниками бесчисленных помятых «дацунов» и «тойот», которые теперь делают улицы Катманду небезопасными. На высокой скорости – чтобы экономить бензин – и с непрерывными гудками они лавируют по узким улочкам Катманду, и здесь действительно видна разница двух культур: местные носильщики-кули, ручные тележки, велосипедисты и пешеходы с ангельским терпением уступают им дорогу, в то время как туристы разъяряются от этого шума. Тогда, как и теперь, воду для питья нужно было кипятить, а фрукты – тщательно очищать от кожуры, чтобы избежать огромного множества экзотических микробов. В бесчисленных храмах почти каждый вечер можно было встретить людей из местного племени невари, носителей культуры. Они пели древние буддийские медитационные тексты под протяжные мелодии ручных органов и резкие звуки барабанов. Это была музыка, проникающая прямо внутрь, она оказывала сильное воздействие.

Ум обретал покой на исторических улицах этого города, и стоило о чем-то подумать, как это вскоре происходило. Например, если мы собирались навестить друзей, они обычно встречались нам на полпути со словами: «Привет, я как раз шел к тебе». Часто то, чего мы хотели, попадало к нам в руки прежде, чем мы успевали точно сформулировать желание, и это не переставало приносить ощущение удивительной радости. Множество буддийских храмов тысячелетней давности и непрерывные линии преемственности йогинов создали

вокруг долины Катманду поле силы, в котором ослабевали оковы привычного противоречия между духом и материей.

Не было недостатка и в химических препаратах. В то время гашиш, самый крепкий в мире и самый чистый по своему воздействию, можно было легально купить у государственного торговца, а затем не спеша проверить его качество в верхней комнате, пока дочь торговца приносила чай и болтала с вами о следующем урожае. Впоследствии качество гашиша понизилось, и к нему стали что-то подмешивать. Кроме того, высоконравственные американцы платят теперь непальскому правительству, чтобы оно запрещало гашиш – по крайней мере официально.

Конец шестидесятых был временем таких колоритных личностей, как Восьмипалый Эдди – армянин, практиковавший магические жесты в чайной под названием «Салон». Он возымел сильное влияние на многих длинноволосых «поэтов» в Катманду, и вскоре возникла его собственная школа оригиналов, которых легко можно было узнать по усам и языку знаков. Еще там был «дядюшка» – помешавшийся индеец, который раздавал пироги из гашиша, сдобренные экстрактом «утренней красоты» (специального галлюциногенного растения). Насладившись таким пирогом, многие «сладкоежки» на протяжении нескольких дней никак не могли найти свое тело. А за углом жил добрый доктор, который всегда был рад оказать помощь быстрым уколом. Разыскивая неисклотую вену, он обычно хвалился абсолютной стерильно-

стью своих инструментов и после китайского герояина предлагал в следующий раз попробовать его превосходный бирманский кокаин. Он никогда не позволял никому больше одного укола в день и заявлял, что не допускает возникновения пагубной привычки. Встречая ранним утром его «пациентов», мы замечали, что они очень торопятся. Если мы пытались занять их коротким разговором, они переминались с ноги на ногу, стараясь отделаться от нас как можно скорее, и ни с чем нельзя было спутать это тяжелое, плохое чувство, возникающее от общения с человеком, сидящим на наркоте. Быть может, добрый доктор считал, что он просто дает им суточную порцию радости, что-то вроде похода в кино, – но фактически они попадались на крючок. То ли он был не одинок на рынке, то ли люди оказались слабее, чем он ожидал.

В те дни были запрещены фильмы с Питером Сэллерсом, поскольку он слишком напоминал короля. Постоянно происходили всевозможные религиозные праздники и процессии. Однажды весь город забастовал, возмущенный убийством таксиста. Все привыкли к будничным мошенничествам, и даже несколько политических убийств были совсем не новостью, но вооруженных нападений (убийство людей только ради денег!) раньше не случалось.

Большинство дней приносили повод для празднования, и где-нибудь на улицах всегда можно было увидеть людей, наряженных в цветочные гирлянды, играющих на музыкальных инструментах и участвующих в шествиях, а другие лю-

ди в это же время несли на носилках мертвые тела к месту их сожжения возле реки. Оно находится рядом с бойней, где работают в основном мусульмане. Они забивают животных на мясо почти по всей Азии; согласно их религии убийство животных — не грех.

Дома в Катманду маленькие, и северные европейцы среднего роста, такие как Ханна и я, оказываются в них настоящими гигантами. Во многих домах в старом городе мы не могли встать в полный рост, а часто даже сидя вытянуть ноги. Окна там без стекол, но украшены красивой резьбой по дереву; стены и потолки обычно черны от копоти из-за открытых очагов. Только глиняный пол всегда свеж и нов, потому что, как только он запачкается или потрескается, его покрывают тонким слоем глины.

Повсюду в старой части Катманду, так же как и в соседних городах Патане и Бхатгаоне, нас окружало столько красоты и истории, что мы чувствовали себя как на поразительной выставке искусств. Особенно бросались в глаза бесчисленные ступы. Это буддийские святилища особых пропорций, содержащие реликвии. Подобно различным изображениям во многих храмах, они сооружены для того, чтобы активизировать врожденную природу Будды существ одним своим присутствием. Если вас не отпугнут от них уличные запахи и вид больных и попрошайек, то впечатление, оставшееся в уме, принесет в будущем состояния пронизательности и радости.

Частью этой красочной картины Катманду было множе-

ство выходцев из Дании. Многие забавные и очень «человеческие» события тех лет помнятся до сих пор, нередко пополняя материал для докторских диссертаций «ветеранов». Я расскажу только одну историю, чтобы дать общее представление. Она о Нильсе, нашем поднаторевшем в торговле друге, который принял индуизм и ходил в светло-коричневом одеянии садху с длинным, выше его собственного роста трезубцем в руке. Однажды в Пашупатхинатхе, святейшем индуистском месте Непала, его непальские «коллеги», внезапно обнаружив этот «датский импорт», закричали: «Американец!», побили его и вышвырнули вон. На следующий день на рынке в Катманду можно было по сходной цене купить полное снаряжение садху с трезубцем и чашей, а Нильс, в шлепанцах и джинсах, уже отправился на поиски новых приключений.

После книги «Тибетская йога и тайные доктрины» нам, конечно, очень хотелось встретить ламу. Однако первый «лама», с которым мы познакомились в Катманду, привел нас в некоторое замешательство. Его звали Чинни Лама («чинни» на местном языке означает «китаец»), и жил он в розовом доме с террасой напротив главного входа в ступу Бодха.

Его курс доллара был в два раза выше, чем в банке, и друзья посоветовали нам поменять деньги у него. Мы заметили, что перед домом стояло несколько превосходных «мерседесов», но тогда не придали этому большого значения. Намного позднее нам сказали, что его звание «ламы» перешло к

нему по наследству и что его обязанностью было заботиться о ступе Бодха; видимо, он справлялся с этой работой хорошо и без убытков для себя.

Чинни Лама был маленьким пожилым человеком плотно-го сложения с китайскими чертами лица. Когда мы вошли в комнату, он, казалось, только что проснулся. Он медленно сел, и мы с удивлением увидели, что у него на каждой руке, от запястья до локтя, блестело по пять браслетов дорогих часов. Это выглядело странно, но, учитывая его титул, мы сказали друг другу, что он, возможно, применяет их для очень сложных дыхательных упражнений. Он сразу же спросил нас, не продаем ли мы какого-нибудь оружия, и мы были весьма тронуты тем, что этот сострадательный человек, должно быть, помогает тибетским борцам Сопротивления – кхампам, правое дело которых мы поддерживали. Мы с сожалением сообщили ему, что оружия у нас нет, только разве что ножи, которые мы всегда носим с собой. Затем он поинтересовался, есть ли у нас какие-нибудь магнитофоны. У нас была первая модель «Филипс» – тогда кассетные магнитофоны только появились на рынке. Умудрившись привезти его в целости и сохранности на Восток, мы сказали, что сначала хотим записать тибетскую храмовую музыку. Мы были уверены, что этот интерес к буддизму восхитит его. Но если это и было так, то он хорошо скрывал свои чувства.

Не найдя ничего, что можно купить, он захотел продать нам опиум. Нас совершенно поразила неискренность этого

«святого» человека. Мы упорно объясняли ему, что к опиуму привыкаешь, что это губит здоровье, что не следует продавать его людям и что опиум медленно убивает многих наших друзей. В то же время встреча с этим «ламой» усилила заблуждение, которое мы отбросили лишь спустя несколько лет, – что все святые люди Востока принимают какие-нибудь наркотики. Наконец Чинни Лама продал нам немного гашиша по завышенной цене, но поменял доллары по фантастическому курсу.

Вечером, решив попробовать с друзьями в чайной его гашиш, мы покатались со смеху. Кусок гашиша размером с кулак и стоимостью целых три доллара оказался углем, покрытым черным кремом для обуви. Это был урок – покупку нужно проверять даже в лучшей компании.

В Катманду было чем заняться, было что посмотреть и узнать. Но местом, которое особенно нас привлекало, был холм Сваямбху с храмом на вершине, почти за городом. Направляясь туда по кратчайшей дороге, проезжаешь груды черепов животных, недавно забитых на бойне, и своры собак – самых откормленных в долине, но все же агрессивных. В этом районе грязно, и мы не задерживались у чайных, где воду для чая берут, наверное, из местной реки. Но ни эти неприятности, ни внеземные прелести города не могли остановить нас. Снова и снова мы возвращались туда, притягиваемые магическим холмом.

Ступа Сваямбху

Уже из Катманду хорошо виден храм Сваямбху, стоящий на вершине пирамидального холма с тремя лестницами, крутые ступени которых ведут по склонам навверх между большими статуями Будд и бесчисленными ступами. Символическая форма ступ представляет пять видов мудрости, которые раскрываются при достижении состояния Будды; они присущи всем живым существам. На холме возвышается купол центральной ступы, оставшейся со времени Будды Осунга (на санскрите – Махакаша⁵). Этот просветленный действовал в нашем мире до Шакьямуни – Будды нашего исторического периода, чье учение мы применяем сегодня. Внушительное здание Сваямбху служит главной непальской резиденцией великого тибетского йогина Гьялвы Кармапы и первого хранителя его преемственности – Кюнзига Шамарпы. Оба этих учителя впоследствии приобрели для нас очень большое значение.

Вокруг купола кольцом расположен двор. Посетители, читая мантры, обходят центральное строение по часовой стрелке, и те из них, кому молитвенные колеса не кажутся слишком засаленными, приводят их в движение усилием рук. За несколькими кирпичными зданиями виден серо-белый тибетский монастырь с величественным центральным входом, ведущим к алтарю.

⁵ Правильное имя этого Будды – Махакашьяпа.

Ступа Сваямбху

Непальское слово «сваямбху» означает «место, возникшее само по себе». Для буддистов этого края святыня Сваямбху так же важна, как Бодхгайя в Индии, где Будда Шакьямуни явил полное Просветление. Поскольку индийцы нередко докучают посетителям храмов, многим легче почувствовать открытость в Непале. Кроме того, эта местность обладает весьма ощутимым силовым полем, которое усиливает медитацию и способствует быстрому исполнению всех желаний.

На первый взгляд место производит слабое впечатление.

Нам не понравилась грязь, из-за которой в Непале обычно негде даже присесть, не понравились дельцы в монашеских одеждах, которые постоянно хотели нам что-то продать. В воздухе носились сердитые крики обезьян. Животные все время дрались, и неприятно было видеть, как большие и сильные кусают маленьких и слабых, отбирая у них еду. Старые больные собаки – несчастные искалеченные создания, видимо, привлекаемые вибрациями этого места, приходили к ступе умирать. Несмотря на все эти атаки на зрение, обоняние и слух, нас не покидало ощущение, что мы это место хорошо знаем. Часто мы не уходили до наступления темноты, хотя Катманду был полон замечательных друзей.

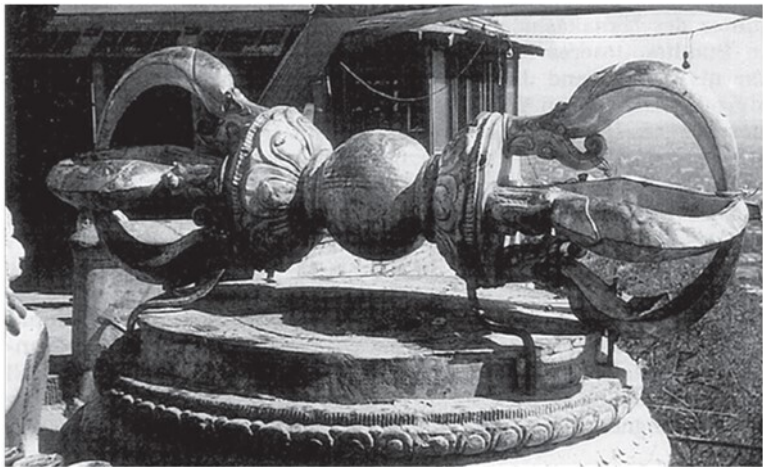
Будда в Состоянии радости, Сваямбху

Большую силу излучала громадная статуя Будды Высшей Радости внутри храма. Нам часто казалось, что она дышит.

Чарующей была музыка монахов в красных одеждах. Внутренний и тайный смысл этих звуков мы стали понимать намного позже, но уже тогда чувствовали их мощь.

Во время первых посещений Сваямбху на нас произвели сильное впечатление двое монахов. Одним из них был настоятель монастыря Сабчу Ринпоче, который впоследствии учил нас «мирному» и «гневному» дыханию. Спустя несколько лет он умер, продемонстрировав высокий уровень своих достижений: говорят, что через неделю после клинической смерти он все еще сидел в медитации, в то время как энергии внутри и вокруг него застывали в форме цветных жемчужин и самоцветов.

Тогда мы не знали ничего о его выдающихся способностях, но всякий раз при встрече с ним нас охватывало волнение и счастье. Однажды, когда я непроизвольно последовал за ним вокруг ступы, он вдруг обернулся и посмотрел мне в глаза, сказав что-то по-тибетски, чего я, естественно, не понял. Я почувствовал его доброту, но при этом не мог не скорчиться от смеха, потому что вблизи он был просто копией известного и очень забавного датского спортивного комментатора.

Дордже возле Сваямбху

Молодой монах по имени Пюнцог подарил нам малу – четки из ста восьми бусин, символизирующих восемь уровней сознания до Просветления и сто Будда-аспектов, проявляющихся после его достижения. Затем он дал нам маленький значок с изображением человека могучего телосложения, держащего над головой Черную корону, и повторил несколько раз: «Кармапа, Кармапа» – так, будто хотел внушить нам что-то очень важное.

Торгуемся в Боднатхе, Катманду. Что же купит белый человек и насколько он собьет цену?

В то время основным средством передвижения до Покхары, второго по величине города Непала к западу от Катманду, служил старый бомбардировщик, а аэродромом было травяное поле. Местный транспорт состоял из специально нанятых лошадей, которых рано или поздно приходилось тянуть: мы не били их, как это делают местные, а без этого они не двигались. Мы обрадовались, увидев большой лагерь тибетских беженцев, устроенный швейцарцами. Там никто не пытался продавать людям западную культуру или христиан-

ство. Вместо этого им помогали сохранить различные практические умения, такие, например, как ткачество, которое дает возможность кормить семью. Однако швейцарцы, к сожалению, вынуждены были уехать из-за нажима китайцев, и тибетские лагеря беженцев в Покхаре сегодня живут в основном за счет туризма, менее благородного занятия. Проведя в стране несколько недель, мы стали различать расы и культуры, а не только отдельных людей.

Боднатх, Катманду, 1968 год

Из однородной массы широко улыбающихся лиц, которую

мы наблюдали вначале, нас привлекали выходцы из Тибета, страны по ту сторону гор. Мы жадно покупали вещи, которые они приносили на продажу, общаясь с ними напрямую с помощью жестов.

При всем своем способе самоорганизации тибетцы – смысленный народ. В XX веке они все еще напоминали средневековую Европу: иерархическое и неприязненно относящееся ко всему иностранному центральное правительство в средней и южной частях страны, независимые, но послушные кочевники на севере и западе и повсюду монастыри со своими законами.

Все боятся веселых разбойников-кхампов – воинственно-го племени с востока, которое веками прогоняло китайцев прочь. Среди них каждый сам себе господин. Такое положение вещей поистине могло удовлетворять самым разным вкусам, а в общении с тибетцами эта неорганизованность никак не чувствуется. Нельзя не заметить, что при полном отсутствии демократии, прозрачности или понятий о правах человека у них принято сохранять высокий уровень человеческого взаимодействия и необычайную вежливость. Влияние буддизма и чувство юмора делают многое весьма разумным, и может возникнуть ощущение, что тебя окружает совершенство. Будь то мягкие люди из Центрального и Западного Тибета с лицами, как у эскимосов, или восточные племена, похожие на суровых индейцев навахо, – и тем и другим свойственны легкость и внутренний покой, которые, по

всей видимости, являются следствием осмысленного взгляда на мир.

В материальном отношении многие из них до сих пор принадлежат к категории одних из самых бедных беженцев на Земле. Поскольку тибетцы не кричат о расовых преследованиях и не желают устраивать войну или революцию, они до сих пор не вызывают большого международного интереса и получают мало помощи. И сегодня многие дети умирают от дизентерии, в то время как взрослых косит туберкулез.

Гостиница, в которой которой мы жили, находилась в центре города и стоила пятьдесят центов в день. Хозяин гостиницы Шарма, который хорошо говорил по-английски, держал нас в курсе всех дел в долине. Он также поставлял нам молочный рис и в огромном количестве сладкий чай, который обожают курильщики гашиша. В соседнем номере жил торговец из Кашмира с типичными для тех мест чертами лица – как у Индиры Ганди. Он удивлялся тому, что иногда мы давали его собаке карамель, – необычный жест в стране, где большинство родителей не может позволить себе купить сладости своим детям. Клаас, который доехал с нами до Кабула, был с ним особенно дружен. Он прилетел на несколько недель позже нас. Ему потребовалось больше времени, чтобы продать своего «жука», а по дороге через Пакистан сумасшедший в автобусе чуть не откусил ему ухо.

Его заставили лечь в местную больницу, и пребывание там его почти прикончило. Он так долго приходил в себя, что

смог приехать только сейчас.

Может быть, именно от Клааса кашмирец узнал, как нежно я люблю своих родителей и брата. Во всяком случае, однажды он пришел к нам в комнату, как раз когда мы были под действием очень сильного ЛСД и поэтому очень открыты и легко подвержены влиянию. Он целиком завоевал мое доверие, сказав много прекрасного о моем отце, о том, какой он замечательный человек, и затем начал описывать силу лам, пришедших в Кашмир из Тибета. Он рассказывал об их победах в магии над индуистскими священниками и вообще говорил всякие фантастические, сногшибательные вещи, которых мы никогда раньше не слышали. Мы чуть не падали со стульев от волнения и спонтанного доверия, получая из первых рук сведения о чудесных явлениях, которые тогда были так важны для Запада. Он сказал нам, что на следующий день к нему должна прийти женщина, обладающая всеми этими силами. Если у нас найдется немного денег для нее, она зажжет масляные лампы в святых местах в горах, и мы будем защищены от всех видов препятствий и опасностей. Еще он посоветовал нам носить серебряные браслеты, что хорошо скажется на нашей печени. В это время я как раз приходил в себя после второго гепатита, а Ханна – после первого, так что, сказав это, он опять попал в точку. Мы больше ни за что не хотели болеть этой немилосердной болезнью.

На следующий вечер мы планировали вылететь обратно в Европу. Мы выбрали окольный, но более дешевый марш-

рут через Восточный и Западный Пакистан, чтобы избежать встречи с индийской таможней. Индийские чиновники в аэропорту имеют тенденцию относиться к Непалу как к части Индии, и они могли бы придаться к нашим покупкам. Мы воображали себя владельцами нескольких ценных древних тибетских статуй и свитков с изображениями Будд, хотя сделали ошибку начинающих, больше обращая внимание на патину (появления которой обычно добиваются, подержав статую несколько недель в дымоходе или в земле), чем на точность и качество исполнения. Почти ничего из того, что оценили и выбрали наши красные глаза курильщиков гашиша во время первого путешествия, не украшает сегодня наши центры. Эти изображения неточны и поэтому не могут способствовать Просветлению. Для того чтобы они приносили уму настоящую пользу, художник должен соблюдать определенные пропорции и использовать цвета, которые очень точно описаны в текстах. Только изображения и статуэтки Будды-женщины по имени Долкар всегда были у нас первоклассными: это Белая Освободительница, которая с самого начала являлась нам во многих формах. Она спасла мне жизнь на горном склоне в Южной Африке, проявив после этого свое силовое поле. В форме Дукар, или Белого Зонта, она защищает сейчас моих учеников и меня самого во время быстрой езды в разных частях мира.

В ходе этих трех удивительных недель у нас все получалось, и мы не могли желать лучшего. Все это увенчалось ра-

достным завершением: к нам в гостиницу пришла женщина, о которой говорил кашмирец. Мы видели ее недолго, перекинулись всего парой слов и остались под большим впечатлением от ее красивых глаз Будды и исходившего от нее невероятного спокойствия. Мы попросили кашмирца передать ей двадцать долларов в конверте. Клаас, отца которого не хвалили, более трезво смотрел на кашмирца и считал меня сумасшедшим. Он сказал, что лучше бы мы купили в Афганистане на килограмм больше гашиша за половину непальской цены. В последний момент подвернулась возможность купить серебряные браслеты. До этого мы тщательно исследовали магазинчики Катманду, но тщетно, пока кто-то не посоветовал нам поискать в тибетском лагере. Хотя времени было очень мало, мы рискнули отклониться от прямого пути в аэропорт, и через десять минут перед нами предстала величавая женщина с двумя браслетами из чистого серебра весом в сто семьдесят граммов, красивой работы, и запросила по десять долларов за штуку. Прикоснувшись к ним, мы почувствовали что-то вроде легкого пульса, бьющуюся в них живую силу. С тех пор за все эти годы мы встретили только один такой же. Стоит ли говорить, что мы покидали Непал с решением вернуться.

Во время короткой остановки в Кандагаре мы взяли гашиш, который дожидался нас в гостинице у Али, и полетели через Тегеран в Рим, где нашли машину, которую нужно было доставить обратно в Копенгаген. Через двадцать часов мы

были на датской границе, где для начала устроили небольшую проверку, спрашивая, нет ли для нас каких-нибудь писем. Обошлось без трудностей, несмотря на девушку, которая о нас проговорилась. Тогда мы с облегчением пересекли границу и вернулись в Данию с гашишем.

Наше первое пребывание в Непале продолжалось меньше месяца, но какая-то часть нас так и оставалась там. Впечатления проникли очень глубоко и стали окрашивать все в нашей жизни. Внешне наше поведение не особенно изменилось, но мы чувствовали, что внутри произошло что-то значительное.

Через несколько дней после нашего возвращения серьезно заболел наш сосед Йорген. Он жил вместе с нами и еще несколькими друзьями в старом доме напротив набережной Христианс-Хавн в живописном старом Копенгагене. Он потерял сознание на лестнице. Выглядел Йорген жутко: темно-желтое лицо и красно-коричневые глаза. У него была тяжелая форма гепатита. Я отнес его домой и, держа его, пока он мочился, увидел, что у него густая, коричневая моча. Он второй раз болел этой изнуряющей болезнью, и я очень сочувствовал ему. Мы познакомились как равные соперники в кулачном бою несколько лет назад и позднее стали близкими друзьями. Общими интересами были гонки на мотоцикле и наркотики, и он, как и я, занимался боксом и выиграл большинство или все из своих сорока двух боев. Поскольку для этого ему нужна была энергия – больше, чем обычно

бывает у курильщиков гашиша, он часто помогал себе амфетамином, повышая тем самым свою выносливость. Теперь он, видно, укололся одной иглой с кем-то больным, и результат не замедлил сказаться. Вспомнив слова кашмирца о том, что наши браслеты помогают от болезней печени, я надел ему на руку свой браслет, перед тем как перейти через лестничную площадку к себе. На мгновение я остановился перед зеркалом для бритья, висевшим на двери, и рассеяно взглянул в него. Моментально меня пронзила колоссальная энергия, как будто я попал под ток высокого напряжения. Я стоял как столб, а все мои мысли и ощущения поглощал лучистый свет. Не знаю, сколько я простоял в узком коридоре, но когда пришел в себя, то почувствовал себя выжатым и сбитым с толку. Это произошло без химикатов и было сильнее, чем то, что я испытывал под большими дозами кислоты. Только тогда, во дворе старого дома, я пережил нечто подобное по своей интенсивности. Спустившись вниз в общественные бани, находившиеся за углом, я долго стоял под струями воды и думал: «Что все это было? Откуда этот свет?»

На следующее утро мы с Ханной пошли к Йоргену. Его лицо и глаза приняли естественный цвет, а моча, по его словам, была кристально чистой. Ночь прошла в ярких сновидениях, которые велели ему не играть больше с иглами. Это было настоящее и совершенное чудо! Такого не случается с зараженной печенью, обычно требуются месяцы для восстановления. Мы были несказанно счастливы. Напрашивалось

только одно возможное объяснение: браслеты действительно обладают целебной силой.

Мы все еще рассуждали, стараясь установить возможные причины этого события, когда в дверь постучали. За дверью стояла Дженни – наверное, самое несчастное существо на свете. Она сказала только: «У меня желтуха».

Сюрприз за сюрпризом. Мы не видели Дженни несколько месяцев, она никак не могла знать о том, что сегодня произошло, но ее как бы притянуло к нам. Хотя она была в очень скверном состоянии, браслет Ханны вылечил ее за неделю, и позднее она описывала нам, что видела «свет благодати», как она это назвала. Она выросла на западном побережье Дании, где живут рыбаки. В этой части страны все еще сильно христианство и потому используются подобные выражения.

Мы с Ханной были на седьмом небе. Возможность помогать другим была невероятной радостью, и случаи исцеления продолжились. Той осенью 1968 года полностью вылечились более двадцати наших друзей, склонных к наркотикам. Мы с Ханной часто ощущали приводимые в действие исцеляющие энергии, а иногда у нас появлялись странные мысли, необычные для нас, – возможно, они передавались нам от тех, кто носил браслеты. Ничто не могло сравниться с интенсивностью этих событий, и даже наши регулярные поездки в Ливан поблекли на их фоне. Мы продолжали ездить туда больше по привычке и потому, что друзья этого от нас ожидали. Дело шло к скорому возвращению в Непал, и в первый день

зимних каникул, когда моих студентов отпустили более чем на месяц, мы снова отправились на Восток.

Глава 2

Прозрачный лама

На этот раз, чтобы замести следы, мы поехали через Россию, что было и дольше, и дороже. Мы сели на поезд, идущий из Копенгагена через Восточный Берлин в Москву, а оттуда должны были лететь через Ташкент и Кабул в Дели.

Восточная Германия и Россия пробудили воспоминания об армии, где я понял, что на свете нет ничего смешнее важничающих должностных лиц; здесь смешного оказалось неизмеримо больше. Но еще сильнее было наше чувство сострадания к несчастным людям, которые не находили избавления от тяжелой угнетенности. В их жизни поистине не доставало света. Нам удалось незаметно раздать нейлоновые рубашки, бритвенные лезвия и сигареты, которые мы привезли с собой. Это было лучшее, что мы могли сделать за такое короткое время.

В Брест-Литовске – послевоенной границе между Поль-

шей и Россией, где очередной таможенный контроль длился несколько часов, – с нами произошло нечто забавное. Я забрел в роту солдат, марширующих мимо, возможно, казаков, которые были похожи на меня. Мы все были, конечно, разного роста, но лица выглядели очень похожими. Такого не случалось со мной даже в Дании, и появилось чувство, будто я попал в зеркальную комнату. Будь на мне такая же коричневая шинель вместо моей белой шведской, я мог бы сойти за своего – и просто шагать с ними дальше. Это подобное сну событие позволило почувствовать, насколько на самом-то деле безосновательно мы цепляемся за свое отдельное «я».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.